

Куда я смотрю во время грозы

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Анна Мильнева

Анна Гирчева

Куда я смотрю во время грозы

«Автор»

2019

Гирчева А.

Куда я смотрю во время грозы / А. Гирчева — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-08393-6

"Жизнь существует где-то поблизости. Нет разницы, что происходит. День или ночь. В деревне или в городе. Ела я или нет. С кем я уснула и с кем проснусь. У меня вообще-то всё хорошо. Зря я ною. Люди вон без работы и без образования. Семьи у них там всякие, алкашные или наркоманские. А у меня всё хорошо. Я кручусь. Я супер. Я даже поспала позавчера. Три часа только днем. Но бывает и хуже. Мне нужно только заработать денег побольше. И всё изменится. И я даже смогу выходить из дома чаще. И, наверное, куда-нибудь съездить. Если захочу, конечно. А пока... жизнь точно существует где-то поблизости". О клинической депрессии - глазами пациента. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-08393-6

© Гирчева А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Часть I. Тебе	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Анна Гирчева
Куда я смотрю во время грозы
Тому, кто сегодня опять выбрал жизнь, посвящается

Часть I. Тебе

Глава 1

Я проснулась с терпким вкусом коньяка во рту и желанием быть кем-то хорошим, а не собой.

Коньяк я купила накануне в «Десяточке» на углу дома. Мне кажется, я пью около недели – с того момента, как приняла, что жизнь с тобой меня убивает.

Но ведь меня учили, что плохо – это когда мужчина бьет, колется, не работает, имеет психические отклонения, всё вместе. Вот тогда нужно что-то предпринимать.

В ином случае – съездить на море, купить кресло, выпить. И всё наладится.

*не забыть как-нибудь выпить в кресле, на море

Я по-прежнему глубоко внутри себя считаю, что других людей нет, не существует. Что спустя наше тысяча сто восемьдесят первое кофейное утро ты самый близкий. Что мира за пределами тебя нет.

* * *

Я помнила, как и вчера пила большими, жадными глотками и закуривала сигаретой. Когда трещинки в уголках губ обжигало, я даже не останавливалась.

Ты приехал за мной сюда и сидел рядом, будто сверлил во мне бездонную дыру: *«Твой дом должен быть там, где я»*.

Потом я просила тебя сходить за Егором. Он ведь сам рассудок, а мне так нужен был кто-то безаффектный. Тем более, к этому моменту я была настолько пьяна, что едва чувствовала пульсирующую силу страха. Страх, смешанного с алкоголем и стыдом за абсурдность своего поведения.

«Через три километра, потом налево, живет мой почти-любовник. Ты не мог бы привести его? А то я немного не в себе, и сама не дойду. Почему «почти»? Ну, долго объяснять. Друг? Ты говорил, у тебя нет друзей. Просто приведи его».

И, когда безаффектный и пока еще добрый Егор пришел, я помню, как укоряла нас троих в столь пикантно-неприятной ситуации.

О чём я только думала?.. Как будто сердце требовало легализации моего собственного отращения к себе.

Я помню, как Егор гладил мои руки, а ты сидел поодаль и смотрел на меня с несколькими килограммами презрения. Слава Богу, я просто потеряла сознание.

Я видела во сне, как перестану пить кофе и отращу длинные волосы. Заведу большого доброго пса. И куплю белые тарелки с цветочками.

Я буду жить непринужденно, как легкомысленная французская женщина, родившаяся у свободной и упоенной жизнью матери.

Я напишу тебе откуда-нибудь оттуда. Из Бельгии. О погоде. И что-то нежное.

Да. Бельгия. Есть такая страна. Ты не знал. Но у тебя теперь будет много времени: всё – одному. Я уверена, это обогатит тебя куда больше, чем наши отношения.

Или нет. Как тут понять?..

Мы ведь только ели, курили и занимались любовью, пока она не выпрыгнула с нашего пятого этажа на горячий асфальт. Потом она бежала в трущобы, в которых прошлой осенью мы

безуспешно спасали бездомную женщину. И умерла там, в грязных тряпках, так и не родившимся чудом.

Видишь, я помню, к сожалению, всё.

* * *

Последние месяцы я живу, словно в бреду.
Недоговаривать приходится все время. Практически всем.
О своих делах. О том, что чувствую. Чего хочу. О «наших» отношениях и «нашем» будущем.

К тому же у меня теперь есть диагноз.

Я столько лет жила сама по себе, что странно об этом думать.

Клиническая депрессия, невроз навязчивых состояний.

Теперь, когда я повторяю про себя эти слова, мне начинает казаться, что я приобщена к чему-то великому. Но внешние проявления болезни меня скорее угнетают, и я вынуждена ходить в клинику два-три раза в неделю.

Вообще-то я, конечно, не собиралась.

Никто не вписывает в жизненные планы психиатра.

Я имею в виду, что думала, они просто выпишут мне настойку на травах, чтобы я могла поспать, или дадут хороший совет за тысячу рублей. И это радикально наладит мою жизнь. И я все пойму. А потом и мир вокруг изменится.

Меня так воспитывали: что всё меняется с пониманием.

Оказалось, за тысячу рублей с тобой разговаривают сквозь зубы. А хороший совет все время откладывается на неопределенный срок.

* * *

Клиника – это моя боль. А еще – стыд, одиночество и страх.

Две недели назад я подписала согласие на лечение микроразрядами тока.

Кен Кизи смотрит презрительно, как бы сквозь меня.

Я не справилась, дорогой. Извини.

* * *

Однажды, на втором курсе, я упросила директора маленького кинозала в библиотеке искусств показать «Пролетая над гнездом кукушки».

В день показа набился полный зал. Люди сидели повсюду, включая пол в проходах. Я впилась в деревянные ручки кресла и испытывала священный трепет от начала и до конца фильма. Может быть, плакала. Да, наверняка.

* * *

После сеансов микротока я никогда не плачу. Каждый раз, когда я ложусь на кушетку, чувствую страх. У меня потеют ладони. Я знаю, что разряд очень маленький, практически неощутимый, но все равно боюсь.

Зато после... После я не боюсь ничего. Минут десять меня будто не существует в этом мире.

А потом все начинается сначала.

Одиночество, беспокойство, паника.

Не думаю, что эти три слова могут передать всё, что стоит за ними в реальности.

Слова вообще теперь мне кажутся несовершенными. Мне никак не удастся подобрать те, что могли бы описать весь ужас сложившейся ситуации.

Мне сложно еще и потому, что время от времени я пытаюсь уговорить себя, что ничего особенного не происходит. Я просто устала. Я сейчас отдохну, и всё наладится.

Но так или иначе, из наших отношений я вышла, заблаговременно предупредив тебя. Из более пяти лет молодости, резкости, свежести, нежности.

Из дисперсии, группы «Пилот», Дня Мыльных Пузырей, клетчатых штанов «Карлсон», сигаретного дыма, недофото, тельняшек в мелкую полоску, автостопа, октанового числа, березовой рощи, сериала «Клиника», булавок в джинсах, алкотравки, сарказма, ненависти к порядку.

Я вышла из тебя.

И теперь – в этой крохотной квартирке, на девятом этаже дома на краю города, у большого завода. На этом брошенном на пол матрасе, в пыли и бетоне.

Теперь я живу здесь.

Я дома.

Глава 2

Я ненавижу здесь всё.

Но пытаюсь убедить себя в том, что это глава книжки о независимой и красивой девушке, которая много лет несла воспоминание о нежности, а потом сбежала.

Из последних сил спускаюсь в парикмахерскую, что слева от подъезда, и за десять минут обрываю волосы до шести миллиметров.

Как и в предыдущий раз, говорю себе, что в этот раз все получится. Я справлюсь. Мне просто нужно обнуление.

Как будто если я обрезаю волосы, то жгу мосты, соединявшие меня с болью. В том числе, с физической.

* * *

Кровотечение продолжается вторую неделю. Без перерывов.

За два визита к врачам я начинаю кое-что понимать.

Например, что давным-давно родилась женщиной.

Досадно, что я узнаю об этом, лишившись покоя из-за агрессивного и беспощадного проявления болезни. Но, видимо, я сейчас могу понять только так.

* * *

Когда я впервые увидела кровь на белье, меня охватила радость.

И меня не смутило, что менструация закончилась неделю назад – ровно в свой срок, как часы.

Сложно объяснить это эмотивное несовпадение. Но я помню, что радость была.

Я могу это утверждать, поскольку чаще забываю события, чем чувства, с ним связанные.

Так вот, эта радость была как ощущение: что-то меняется, что-то происходит.

Возможно, это глубокое доверие динамике жизни как большой движущей силе, непременно приводящей туда, куда и нужно на самом деле, вне зависимости от того, какой путь проделан и в каких условиях. Пластичный мозг *«alien in New York»*.

* * *

В первый раз гинеколог просто поставил меня в известность, что если не сделать операцию в ближайшее время, то не будет не только детей, но и меня самой.

Я сидела в холодном кабинете на полотенце, без трусиков. А пожилая женщина в очках смотрела на лист с анализами и пыталась быть конструктивной. Обстоятельной. Дистантной. Твердой.

Как будто то, что я сейчас позволила ей залезть в свое тело, не имеет никакого значения.

Это никак не повлияло на наши отношения. Мы не стали от этого ближе и деликатнее. У нее не было такой цели – узнавать, как лучше обо мне позаботиться. Она здесь для другого.

А для чего ты здесь?.. Ты, столько лет отдавшая изучению вопроса? Сделало ли твое испытание тебя добрее и терпеливее, мудрее и проще? Осталась ли в тебе та, которая обнимает близкого и нуждающегося в тебе человека? Смогла ли ты оставить лишнее и увидеть другого в его беспомощности и страдании души? Прощаешь ли ты себе, прощаешь другим?..

Она протянула мне направление в больницу и еще раз повторила, что важно принять решение как можно скорее.

Мне и самой хотелось видеть это как вопрос жизни и смерти. Бытия и небытия. Не только – «у вас не будет детей», а именно – «не будет вас».

Но на уровне души всё во мне кричало лишь одной мыслью: *«Ты ничего не знаешь обо мне, тётя: что я люблю есть на завтрак и куда смотреть во время грозы. И к твоим универсальным, озвученным непринужденным голосом рецептам и предписаниям у меня – ненависть, потому что я здесь, видимо, для того, чтобы ты крепко меня обняла. Обняла и сказала: «Девочка моя, мы все бываем в дерьме и в крови. И я, и ты, и твоя мама. И, поверь мне, это еще не конец. Это, как Визбор пел, «только ступень для тебя». И мы пройдем это вместе. Ты большие не одна»».*

*****

Я уже знаю, что никакой операции не будет.

Я остро чувствую это в больнице, когда смотрю в равнодушные белые лица. Вот они смеются над чем-то, потом поворачиваются ко мне, нехотя отрываясь от своей настоящей жизни, и спрашивают: *«Что вам, девушка? Подождите за дверью. Мы вас вызовем».*

Я слышу, как пульсирует в теле моя злость, я взрываюсь, потому что больше не могу терпеть это. Не могу проходить через это одна.

Я хочу, чтобы кто-то заметил, что я здесь есть, что я пока еще жива. Я ору. Я ору, пытаюсь заставить их оторваться от столь приятного смеха и разделить со мной страх.

«Я боюсь, понимаете?! Я боюсь, что, если вы сейчас не скажете мне более-менее человеческих слов о том, что я не одна, о том, что обо мне позаботятся, я просто умру. Умру прямо здесь, возле вашего кабинета, в этом странном коридоре, заполненном ужасом женских глаз и тугой джинсой. Я растекусь огромным пятном по вашей больнице, оставляя только волосы, которые, словно рваный парик, будут блестеть посреди этой лужи кровавой боли вместе с бешеным взглядом валяющихся рядом с ними глаз. И они будут голубыми, эти глаза, потому что мы часто рождаемся с голубыми. И, по-моему, умираем тоже».

В реальности меня хватает лишь на бессмысленный и бессвязный визг о том, что я жду приема уже три часа, хотя пришла к кабинету первой.

Мне недовольно показывают на дверь, приговаривая, что я «здесь не одна».

Туше.

* * *

Возвращаясь из парикмахерской, сажусь на матрас и пытаюсь смотреть в одну точку. Увы, это больше невозможно.

Коньяк, видимо, исполнил своё.

Из 180 градусов я вижу только левую часть перед собой. Правая покрыта белой пеленой, как будто запорошена снегом.

8 декабря. Ни одной снежинки. Ирония.

Стопроцентное зрение стало покидать меня в третьем классе. Меня потихоньку сажали все ближе и ближе к первой парте, и вот я уже за ней. Очки я надела спустя пару лет. Последние годы я чаще хожу без них. Говорят, от них зрение только портится. Да и на что смотреть?..

Интересно, что бы сказали окулисты сейчас? Как вообще можно не видеть части пространства перед собой? Я вращаю глазами, поворачиваю и наклоняю голову, пытаюсь заглянуть за то белое покрывало, которое теперь отделяет меня от мира. Ничего не выходит.

Меня трясет. Это больше чем страх. Теперь внутри меня, на уровне подкожи, существует некто из фильма «Дрожь земли». Как будто я ощущаю каждый орган отдельно. Особенно

сердце. Такое чувство, что оно бьет меня изнутри. По коже пробегает волна ужаса, то в одну сторону, то в другую. Хочется кричать. Просто открыть рот и визжать от страха.

Ладони, кажется, стали жить отдельно от меня: все время покрыты какой-то движущейся мелкой рябью. Я видела такое у сильно пьющих людей в своем квартале.

Я все еще верю, что это временно: жизнь целиком и это новое для меня состояние... Типа похмелья.

Я, видимо, слегка перебрала с коньяком. Плохой, рваный сон, неудобный матрас, тревога, неприятные разговоры, – все это кого угодно может выбить из колеи. Все ведь уйдет, если я наполню ванну горячей водой и смою с себя как можно больше грязи.

Только не здесь, конечно.

Но сейчас я схожу в душ.

Нет.

Нет даже полотенца.

Выпью таблетки. Всё станет на свои места.

Таблетки.

Господи... Бросаюсь в ванную в попытке восстановить происходящее.

Восстановить – остановить.

Упаковки сонапакса, цефалексина, валиума и, кажется, пароксетина...

Я решила перестать пить лекарства.

Да.

Я выпила последнюю горсть, запив половиной бутылки «Армянского лекаря».

Остальное я спустила в унитаз, еще до прихода Егора.

Меня прошибает холодный пот.

Алкоголь. Коньяк – это же алкоголь.

Господи. Господи. Господи.

Нервно ищу в карманах сигареты. Такое чувство, что мне нужно схватиться за что-нибудь, иначе я просто упаду.

Вдруг поворачиваю голову и замечаю тебя, свернувшегося в углу калачиком, прямо на куске линолеума.

Вскрикиваю от ужаса.

Глава 3

«Сонапакс (как и другие нейролептики) абсолютно не совместим с алкоголем. Это связано с возможностью усиления побочных эффектов, вызванных химическими реакциями спирта с действующим веществом препарата. Поэтому Сонапакс назначают только в тех случаях, когда алкоголь будет полностью выведен из организма пациента.

Прием спиртосодержащих напитков во время лечения данным медицинским препаратом грозит повышенным риском гепатотоксических реакций, тепловых ударов, акатизии, дистонии и прочими расстройствами ЦНС. Возможны также проблемы ЖКТ, покраснения кожи, сыпь, сильные приступы рвоты, затуманенность сознания, обмороки.

В редких случаях могут проявляться симптомы злокачественного нейролептического синдрома, к ним относят гиперпирексию, ригидность мышц, разнообразные нарушения мышления, аритмичность пульса, измененное артериальное давление, диафорез, тахикардию. Возможны проблемы с дыхательной функцией: одышка, затрудненный вдох, «тяжесть в груди».

Алкоголь может вызвать резкое усиление влияния данного лекарственного средства на ЦНС, вызвав тем самым психоз, потерю личностной ориентации, а в некоторых случаях угнетение функций дыхательной и сердечно-сосудистой систем организма. Сонапакс плохо взаимодействует не только с алкоголем, но и с антисептиками, атропинами, барбитуратами и т. д.»

(Источник: <https://alko03.ru>)

Глава 4

«Орешь как ненормальная. У тебя вообще крыша поехала с этими психологами», – бормочешь ты про себя, медленно поднимаясь.

Я проснулась, сходила в парикмахерскую, умылась, а ты все это время был в квартире. Я тебя не видела.

Господи-господи-господи.

Мы быстро едем обратно. В твой дом, откуда я все время бегу.

Меня бьет идея о том, что если я вернусь туда, хорошенько посплю, то все точно должно стать прежним. Я как бы отмотаю пленку назад, и тогда, наверняка, мое тело забудет о том, что с ним случилось. Хотя бы вернется зрение и меня перестанет так трясти изнутри.

У меня нет сил оставаться одной, я боюсь этого внутреннего крика, который стоит во мне так твердо и больно.

Я даже не помню, как засыпаю. Просто темнота. Пустота. Тишина.

* * *

Резко вскидываю голову от пронзительного звона будильника.

Не ставлю будильников. Значит, телефон.

«Алло, да, это Марина, а вы кто? Галина Васильевна?.. Я вас не знаю. На прием?.. Я? У меня другой терапевт».

Нервно пытаюсь вспомнить, о чем идет речь.

Точно. Я записалась к другому психотерапевту на это утро, потому что Люся уехала в Самару. Там у Покрасса какой-то семинар. А она никак не может его пропустить. Если я очень сильно буду хотеть умереть, мне нужно позвонить Галине Васильевне.

Про «умереть» она не говорила. Она сказала: *«Если будет плохо».*

Еду в разбитом пазике. Даже в салоне чувствую запах газа или бензина – чего-то невыносимо гадкого. Недоумеваю, как старой ведьме удалось настоять на том, чтобы я приехала несмотря на то, что уже опоздала на час. Зараза. Как будто она просто забирает «свои» деньги.

Со мной это легко повернуть. Я же мешок сомнений. Фразы типа *«ты обещала»* или *«я на вас рассчитываю»* действуют на меня магически. Запускается глубоко и метко долбящий механизм самостыда, и я вся ваша.

Захожу в темную и сырую квартиру.

Передо мной скорее большая хищная птица, чем психиатр. Она говорит тихим, вкрадчивым голосом, коммерчески выверяя каждое слово.

«И главное, вы должны определиться, будете ли вы дальше лечиться у меня или у Людмилы Валерьевны».

Вот уж верно расставленные приоритеты.

Мне горько. Я понимаю, что так же, как пять лет на алкоголе и сигаретах, я начинаю «сидеть» на поддержке чужих людей. Мне гадко. И я не вижу выхода. Теперь уже не только в переносном, но и в прямом смысле.

* * *

У мамы почему-то тоже сыро. Двери, открытые настежь, заполняют дом сквозняком и немым укором.

Последние пять часов, включая кратковременный сон, ничего не изменили. Ужас внутри меня растёт, сердце стучит громко и крикливо.

Я пытаюсь что-то пить.

* * *

Курю на порожках нашего старого дома. Мне стыдно. Дедушка собирал его своими руками в 1944 году, по возвращении из плена. Ему было чуть больше тринадцати лет. Он не ходил в школу, потому что им с матерью негде было жить: немцы разбомбили квартал начисто. Он говорил, что им повезло – у нашего дома сохранились стояки. И из щепок, которые находил по улице, дед строил жилище.

Мне кажется, всем своим существом я загрязняю все светлое, во что он верил. И, возможно, верит до сих пор.

* * *

Меня трясёт, как старый холодильник. Как алкоголика при ломке. Как отравленную, но недобитую собаку.

Я плохо вижу и все время хочу кричать.

Спрашиваю: «Мама, что происходит? Что мне теперь делать?»

Опять вру, называя свое состояние «меня что-то беспокоит».

Мама испуганно пожимает плечами. Она не знает, что мне бывает беспокойно.

Сидеть на месте невыносимо. Я беру косынку и еду в церковь.

Все время в маршрутке слышу стук своего сердца и усилием воли пытаюсь остановить внутренний крик. Мне кажется, еще немного – и я просто не смогу его сдержать.

Будто вваливаюсь в храм. Платок сразу же начинает сползать на глаза. Я не знаю, куда деть руки и что тут вообще обычно делают.

Я как пьяная шлюха, спустившаяся туда, откуда не выходят, а только выползают.

Я, столько лет насмевавшаяся над Богом, поповством и институтом церкви в целом, пришла просить помощи?

Или пощады?

Или не просить?

Умолять простить?

Что я здесь, Господи?..

Что с моей душой? Она еще есть во мне?..

Я утыкаюсь в изображение женщины с ребенком и начинаю рыдать. Косынка то и дело сползает на лицо, поэтому скоро становится совсем мокрой. Я еле стою на ногах. Сил практически нет. Я знаю, что еще немного – и упаду, забившись в истеричном вопле, но мысль о том, что меня заберут в городскую «дурку», сдерживает. Кто бы знал непомерную силу стыда.

Я плачу о своем нынешнем состоянии, которое так сильно пугает. Плачу о своем одиночестве, с которым наконец оказалась лицом к лицу. Плачу о своей замкнутости и неспособности говорить о главном даже с самыми близкими людьми. Плачу о той физической боли, с которой живу всё последнее время. Плачу о том пекле в моей голове, с которым я жила последние годы. Я плачу о детях, которых не родила, и, возможно, уже не рожу, и о тебе, который любит меня, как драгоценный камень в шкатулке. Я плачу об уходящей юности, в которой было так много страдания, и о своей невозможности смотреть на это с открытым сердцем.

Когда я выхожу, то сквозь тремор и тупую головную боль чувствую нежность.

7 декабря 2009 года в возрасте двадцати трех лет я совершила неудачную попытку суицида.

Глава 5

Почему я пыталась прекратить чувствовать?..

Потому что боли стало слишком много.

Мне казалось, что все мыслимые и немыслимые способы страдания вошли в мое тело и живут там своей, отдельной от моей души, жизнью.

И я больше не могла это переносить. Обезболивающие не помогали. Антидепрессанты не помогали. Это была какая-то череда лекарств, чтобы прекратить чувствовать боль. А вместе с ней, возможно, и глубокое, вязкое отчаяние.

Но болело так сильно, что я слышала отголоски этого сквозь пелену всех таблеток и алкоголя.

Болела моя душа, мое сердце, мой Бог.

Болела середина меня. Была воспалена, обезобразена, изнасилована.

* * *

Мы сидим с Антоном на кухне у Наташи.

Ночь. Вся водка выпита, стихи дочитаны.

Все ушли спать, и ты тоже.

Я помню, что мне очень уютно и спокойно. Горит мягкий, приглушенный свет, как от жёлтого тканевого торшера моего детства. В воздухе что-то тонкое, как будто еще есть время побыть с собой наедине.

Антон достает коробок с «травой» и предлагает покурить.

К утру мы скуриваем всё.

Никаких душевных разговоров, никаких мыслей, никакой тревоги.

Только еще одна попытка отменить часть реальности.

«Хорошо посидели», – думаю я.

Потом меня тошнит. Я ложусь к некрепко спящему тебе и проваливаюсь в сон.

Пропускаю социологию. И еще одну часть своей, как резинка, тянущейся к никуда жизни.

* * *

Большая часть времени проходила в туманной пелене, как будто кассету все время перематывают вперед в поисках правильной песни. Помнишь фильм «Клик. С пультом по жизни»? Вот как-то так.

Я не хотела смотреть в сердцевину происходящего. Я боялась признаться себе, что жизнь, которую я каждый день выбираю, идёт по чужому сценарию. Я боялась обвинять и быть обвиненной.

* * *

А потом мы поехали на Новый Год в Москву.

Идея была простой: мы купили дешевое купе и собирались отмечать в поезде. А затем несколько дней гулять.

По самому красивому городу в мире, в бесконечной веренице гирлянд и шаров.

Мы собирались жить в Саларьево, у твоих родителей. У нас были также билеты в театр. Это был «Современник», спектакль «Три товарища». Чулпан Хаматова играла Патрицию.

Для меня все это было важно. Я точно помню, что эти детали: названия, места, книги, идеи – всё это было чрезвычайно важным. Я, возможно, жила деталями.

Мне было двадцать. И я стремительно ныряла в поиск лучшего места для себя. Туда, где хотя бы на мгновение замолчит мой глубокий внутренний голос, шепчущий, что моя жизнь – обман.

Мы решили прямо с поезда погулять по центру.

И вот тогда, как в фильме ужасов...

Что-то пошло не так.

* * *

Это холодное утро. Сырое. Всё вокруг сырое. И серое. И моё пальто. И мои волосы.

Я стою посреди почти серого города. Я помню, как дворник огромной метелкой пытается совладать с клочьями снега. А я не могу сделать ни шагу.

Я помню, как вжимаюсь в каменную стену сталинки. Глазами пытаюсь найти где-нибудь укрытие и не вижу его, отчего прихожу в ступор и ужас.

Может быть, я хочу где-то спрятаться?..

Помню, как пот тоненькими струйками стекает по моим вискам прямо под шарф и куда-то дальше по груди.

Помню, как меня парализует.

Я хочу в туалет, почему так стучит сердце?.. Да, всё закрыто, но я обязательно найду какое-нибудь кафе или что-то еще. Почему я теряю сознание, расплываясь в облаке серого дыма?

Ты пытаешься вернуть меня в разум. Но я только плачу и прошу отыскать туалет в этом гребаном городе.

И появляется что-то, отделяющее меня от других людей. Я словно оказываюсь внутри огромного мыльного пузыря и кричу оттуда, но меня больше никто не слышит.

* * *

Я помню, как с надеждой возвращаюсь домой.

Это Москва плохая. Там мне нехорошо.

Сейчас, дома, все наладится. Всё вернется на свои места. Я буду просто девушка и верить в лучшее.

Но ужас осел на мне. На моих вещах, на моем рюкзаке, на моих волосах. И самое гадкое: он проник внутрь меня, куда-то в низ живота. А еще – в плечи, в грудь и, возможно, в макушку. Теперь мне страшно.

Я помню, как впервые выбегаю с «пары». Помню, как дико хочу в туалет. Добегаю до него, чувствую расслабление внутри живота. И это странное ощущение – как будто хочу остаться внутри кабинки навсегда или хотя бы надолго.

Безопасно там, где тебя не видят. Там, откуда можно молчать.

Когда я возвращаюсь, напряжение снова во мне, и я прошу разрешения уйти с занятия совсем.

* * *

Постепенно я начинаю выходить в туалет на каждой «паре». Я пытаюсь себя успокоить, сказать, что, видимо, простыла или съела что-то не то. Но внутри себя не могу не замечать, что тело кричит мне о страхе. И страх становится главным, а я умираю внутри своей кожи.

Я не могу делать вид, что учёба играет важную роль. Это больше не так. Нет, не так.

Я только и могу теперь, что делать вид. Потому что середины меня – содержания меня – центра меня – нет.

* * *

Однажды я еду болеть за однокурсниц на какие-то соревнования.

Посреди пути меня накрывает волна ужаса. Я выхожу из автобуса. Иду во двор дома, сажусь на скамейку и остаюсь там на несколько часов. Я плачу. Меня трясет от ужаса. Я не могу встать, потому что в этот раз мне кажется, что подо мной останется лужа мочи, люди вокруг это увидят, и я умру от стыда за свое несовершенство. Прямо здесь, рядом с этой скамьей.

И в тот момент часть меня там действительно умирает.

Я возвращаюсь домой, буквально на ватных ногах. И какое-то время рыдаю в подушку, а затем проваливаюсь в сон.

Когда я просыпаюсь, жизнь не может оставаться прежней. Мне невыносимо.

И я начинаю исключать:

1. Соревнования, свои и чужие.
2. Поездки по городу, особенно дальние.
3. Встречи с новыми людьми (допустимы только в подготовленных обстоятельствах).
4. Конфликты и спорные ситуации в общественных местах.
5. Праздники, вечеринки.
6. Публичные выступления (особенно научные конференции – та твердая, зловещая тишина, внутри которой нельзя зевнуть).
7. Занятия (на которые необязательно, и иногда обязательно, ходить).
8. Активное участие в «Студенческих вёснах» (только немножко сценариев и рисовать, никаких выступлений на сцене).
9. «Палаточную» жизнь.
10. Любые провокации, связанные с риском для жизни (включая автостоп).
11. Встречи с друзьями в незнакомых общественных местах.
12. Работу, для которой нужно выходить из дома.
13. Библиотеки.

Не так уж и много: всего тринадцать пунктов. У меня остается все, что можно делать дома, вечерние прогулки, когда уже темно и мало людей, по ночам я рисую декорации для «Вёсен» в универе, встречаюсь с друзьями.

И я могу дальше жить.

Видишь?..

Ничего страшного не происходит.

Глава 6

Оцепенение. Ужас. Позор.

Три слова, которые составляют мой день.

Теперь мне приходится сутками зубрить учебники, чтобы не вылететь из универа. Сидеть внутри любой аудитории мне трудно. Хочется бежать из любого класса сломя голову ко всем чертям. Единственный способ числиться среди студентов – приходить на зачет или экзамен в числе первых, брать билет и идти без подготовки. Так я и поступаю.

Это приводит к абсурдным последствиям: у меня улучшаются отметки, зачетка пестрит «отлично», изредка пропускаю «хорошо».

Я все время подрабатываю: берусь практически за всё, требующее внимания, усидчивости и детального воспроизведения. Для меня открывается мир неутомимого копирайтинга, позволяющего выходить из дома только за деньгами.

Я сплю все меньше и меньше. Жизнь превращается в игровой автомат, где картинка меняется редко, а бонусами становятся деньги, сигареты и алкоголь.

Иногда мне кажется, что все, что я делаю, – это откуда-то возвращаюсь и чего-то жду. Это становится невыносимым. Но что именно поменять, я не знаю.

И продолжаю куда-то ходить, возвращаться и ждать. Так я живу несколько месяцев.

* * *

Наступает лето. И я делаю последний рывок.

Что-то должно измениться.

Я принимаю решение поехать на море автостопом.

Я чувствую, что это даст новую силу для жизни. Новый импульс.

Наши рюкзаки готовы, и мы отправляемся.

Дорога сопряжена с диким чувством волнения, страха и обрушившейся свободы. Я ловлю каждый миг, хотя время от времени панические атаки все же застигают меня врасплох.

Я помню, как глубокой ночью, когда мы наконец добираемся до пляжа, не снимая одежды, вбегаю в море. Я пытаюсь ловить его руками, губами и сердцем. Я кричу ему о том, как я скучала, и плачу навзрыд. Потом мы бросаем одеяло под мостом и засыпаем. И это мой самый крепкий сон. Сон в любви.

Мы проводим под Сочи около недели. Знакомимся с новыми людьми, едим. Я что-то рисую. Напряжение все еще рядом со мной, но внутри начинает шевелиться вера в лучшее.

Море – для меня – как отдельное Существо. Я прикасаюсь к нему, разговариваю с ним, когда остаюсь одна. Для меня, как в синтоизме, становится живым всё: камни, ветви, солнце, пена.

Ночью я выхожу из палатки от тревоги и смотрю вдаль, на огни. Иногда мне кажется, что среди них начинает светиться еще один: маленький огонек моего желания быть живой. Но я смутно понимаю как. И это одновременно огорчает и пугает меня. Хорошо, что помогает южное вино и записи в блокнот.

После возвращения я медленно вхожу в город с его сухостью и резкостью. Я пишу очерк о поездке на море, распечатаваю на принтере и раздаю знакомым. То и дело получая добрые отклики, я будто снова чувствую себя. Это придает силы, и я возвращаюсь к учёбе с жестким намерением побить недуг.

Осенью я делаю последнюю попытку вырваться из наших отношений.

Она проваливается, и я переезжаю к тебе.

Мы проживем вместе еще два года, прежде чем я уйду с одной вилкой и стопкой книг.

* * *

Мы на одной из центральных улиц города, в большой двухкомнатной квартире с широкой кухней и пустоватым коридором, двумя балконами. Наш дом оставлен твоими родителями. Они приезжают один раз в месяц на несколько дней, покупают еду, рассказывают, как нужно жить, и кладут тебе деньги на тумбочку.

Здесь пишутся сценарии, выкуриваются пачки синего «Винстона», придумываются идеи для вечеринок, проводятся эти самые вечеринки и рекой льется алкоголь.

Мне кажется, что я изредка бываю счастлива.

Когда я пою. Когда я танцую. Когда я пью. Или играю в преферанс.

Я также могу утверждать, что испытываю счастье, когда рисую по ночам декорации для «Студенческих вёсен». Возвращаюсь под утро по пустым улицам, на которых нет даже собак.

Особое чувство ко мне приходит, когда однажды я делаю фотографии. И совсем острое-нежное, когда прикасаюсь к съемке фильма.

Там что-то завораживающее. Я и боюсь, и тянусь в это. Пишу сценарий, ищу режиссера. И мы даже снимаем что-то трогательное. Возможно, это лучший момент из всех пяти лет университета.

Пожалуй, так и есть.

Давать чувствам возможность быть воплощенными во что-то материальное, оказывается, непросто. Проживать в реальности через любое сносное выражение этот бесконечный поток, именуемый «боль». Что еще мне остается?..

Мне все сложнее засыпать ночью, когда мы вдвоем. Я могу уснуть, только если пьяна. Если в квартире много людей. Лучше и то, и другое. Слава Богу, у нас так часто.

Ты говоришь мне, что тебе отвратительно жить в сигаретном дыму и есть из пластиковых тарелок, все время кого-то выпроваживать и встречать гостей, имена которых ты не стремишься запомнить.

Ты смотришь на всё по-взрослому, пытаешься заставить меня обедать вместе за столом, как положено. Смотреть друг другу в глаза и разговаривать. Я говорю, что это невыносимо для меня. И мы начинаем расщепляться.

* * *

У меня было все: удобный дом, интересный мужчина, перспективная работа, верные друзья.

У меня не было ничего: уютного дома, любимого человека, выражения себя, близких людей.

* * *

Я ненавидела всё. Презирала еще. Но ненавидела больше всего. Мне хотелось выть, орать и кусаться. Я, как загнанная собака, все время бежала по кругу. Мне хотелось стучать в стены, бить окна и бросаться на женщин в правильных юбках чуть ниже колен и на мужчин в рубашках и пиджаках. Хотелось вцепиться в горло каждому, кто этим тоном, предающим живую человеческую природу, объявляет мне о том, кто такой настоящий филолог. Настоящий ученый. Настоящий человек.

Но я надевала свою юбку ниже колен и продолжала бежать из страха остановиться. Из страха завывать и быть застреленной.

Мне было больно. Вот и все, что я хочу сказать.

Глава 7

Однажды мы ложимся спать. И вдруг у меня начинает резко колотиться сердце. Это такой стук, который ни с чем не перепутаешь. Как будто внутри тебя отбивают свинину.

К нему добавляется резкий и агрессивный страх сойти с ума.

Мне кажется, что это уже происходит со мной прямо здесь и сейчас.

Я не могу заснуть. Просто улетать в сон с тобой в одной кровати. В этой квартире. И я начинаю кричать. *«Позвони куда-нибудь, вызови врачей. Пускай меня заберут в дурдом. Пускай произойдет хоть что-нибудь. Пожалуйста, позвони».*

Ты пытаешься вникнуть в мои слова, но получается с трудом.

В этот момент я осознаю, что ситуация вышла из-под контроля: страх проник с улицы ко мне домой и даже в мою постель.

Я еле-еле успокаиваюсь в одиночку на балконе. И кое-как засыпаю.

* * *

Грань между нормой и сумасшествием оказывается очень тонкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.